

Знаменитые
люди Востока

Байниетова Сауле

Ходжа Ахмед Гасави

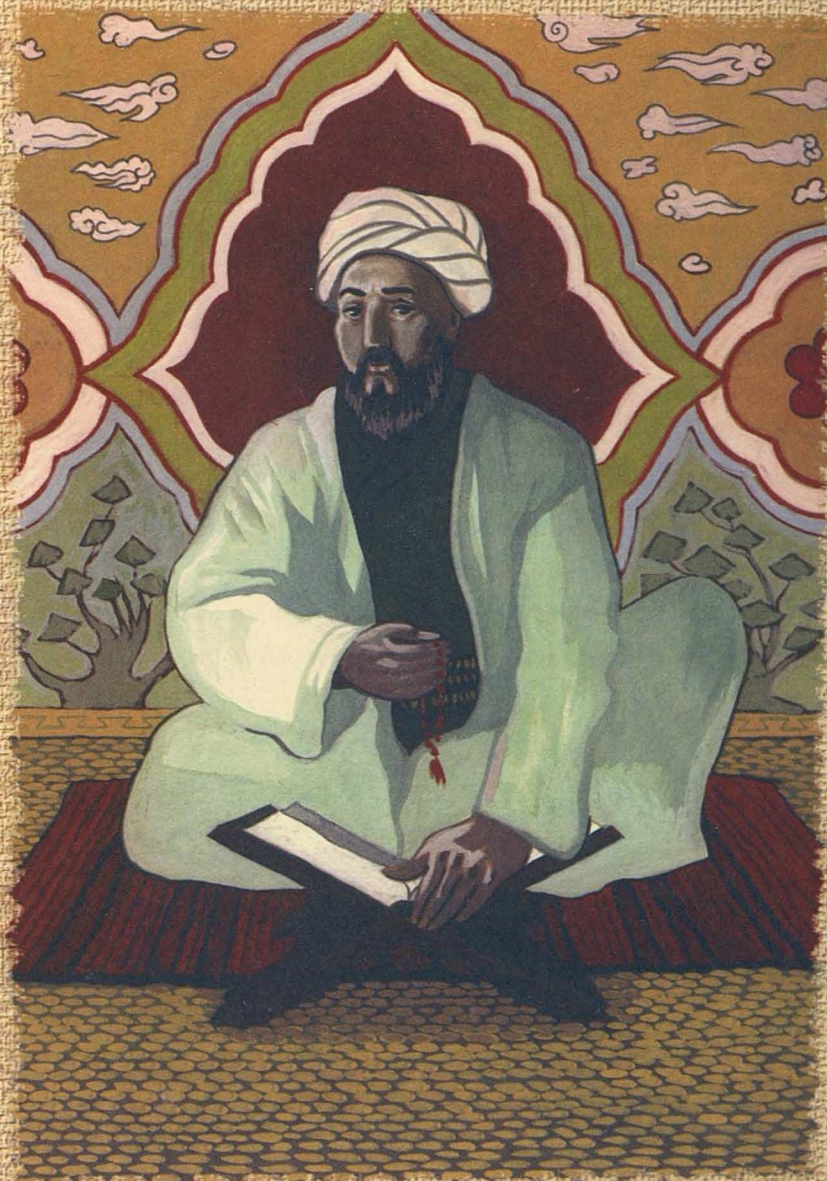
У 2008
149 Ҡ

история • личность • время

Байниетова Сауле

Ходжа Ахмед Гасви

аруна
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ББК 63.3 Каз

Б 18

Издание выпущено по программе Министерства культуры
и информации Республики Казахстан

Байниетова С.

Б 18 Ходжа Ахмед Ясави. История, личность, время. – Алматы.
«Аруна», 2007. – 96 с. – Серия «Знаменитые люди Востока».

ISBN 9965-26- 238-1

«Ходжа Ахмед Ясави» – красочно иллюстрированная книга для детей и взрослых на казахском и русском языках, которая доступно повествует о жизни духовного наставника и мудрого государственного деятеля, снискавшего всенародную любовь и почитание. В памяти людей он остался не только как выдающийся проповедник, но и как замечательный поэт и мыслитель.

К $\frac{0503023905}{00(05)-07}$

ББК 63.3Каз

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Аруна».

ISBN 9965-26- 238-1

© ТОО «Аруна Ltd.», 2007

Содержание

<i>Ходжа Ахмед Ясави</i>	4
<i>Пророчество</i>	5
<i>Первый учитель</i>	14
<i>Первое испытание</i>	21
<i>Арслан-Баба</i>	30
<i>Становление</i>	39
<i>Жизненный выбор</i>	43
<i>В согласии со своей совестью</i>	53
<i>На вздохе веков</i>	57

Ходжа Ахмед Ясави

Время Ходжи Ахмеда Ясави дошло до нас из глубины веков, с тех давних лет, когда в степи существовали еще разрозненные племенные союзы наших предков. Ходжа Ахмед – выдающийся ученый, поэт и просветитель – родился в красивом городе Сайрам. Его отец – уважаемый шейх Ибрагим – был его первым учителем. Справедливый и мудрый человек, он посеял добрые семена в сердце мальчика. Мать Айша – дочь шейха Муссы (в народе ее называют Карашаш-ана) – своей любовью и заботой оберегала ранимую душу Ахмеда от мирских невзгод. В те смутные и тревожные времена нелегко было людям жить в мире и согласии – на богатые плодородные земли степняков претендовали чужеземные властители. Они проливали невинную кровь, сеяли страх и непонимание среди мирных жителей, которым все чаще приходилось брать в руки оружие, чтобы защитить жизнь своих близких и отчий дом от жестоких захватчиков. Жизнь Ясави совпала с правлением династии Караханидов, власть которой в те времена распространялась на обширную территорию Мавераннахра, земли Семиречья и Кашгара. Кем же был Ахмед Ясави, снискавший всенародную любовь и почитание? Духовный наставник и мудрый государственный деятель, он остался в памяти народа не только как выдающийся проповедник, но и как замечательный народный тюркоязычный поэт и мыслитель. Его произведения вошли в мировую сокровищницу поэзии. В своих духовных проповедях и трактатах он откликался на злободневность, говоря народу свое откровенное слово, вселял в души людей веру в человека и его доброе назначение на земле.

Миновали столетия, но не убывает число мусульман, спешащих поклониться Великому пророку и прикоснуться к священным стенам мечети, которая вот уже шесть веков украшает город Туркестан. Мавзолей Карашаш-ана, возведенный над могилой матери Ходжи Ахмеда Ясави, расположен в селе Сайрам. Святые предки нужны живым, чтобы наполнять людские сердца любовью и мудростью во имя потомков.

Пророчество

Старик шел уже два дня. Ветер игриво овевал испещренное морщинами суровое лицо путника, трепал его белые поредевшие от времени волосы. Старик то и дело останавливался, чтобы перевести дух, негромко покашливал и устало опускал голову, словно прислушивался к своему хриплому, отрывистому дыханию. Воздух со свистом выходил из его легких, ослабленных изнуряющей болезнью, из-за которой он несколько дней пролежал в постели, в то время как караван, с которым путник отправился в это странствие, продолжал идти вперед, держа путь к родному сердцу городу – Сайраму.

«Город весны» – «Испиджаб», – старик улыбнулся. Впереди уже виднелись белые стены пограничной крепости, утопающей в зелени садов. «Испиджаб» – старое название города нравилось ему больше, оно было неразделимо с его молодостью и любовью. Город издревле славился красотой и великолепием, его обширная область и множество селений украшают земли Мавераннахра. Город имеет рабад и густо населенную медину – в ней крытые рынки, рынок полотен и соборная мечеть. Старик судорожно вздохнул – как давно он не преклонял колени перед этими священными стенами. Сайрам – это славная крепость, медина которой имеет четверо ворот, у каждого свой рабад: ворота Нуджикета, ворота Фархана, ворота Шахраны, ворота Бухары. Путник обвел взглядом знакомую местность – недаром «Мавераннахр» в арабских летописях переводится как «заречное», «место за рекой» – такой вкусной и прозрачной воды, как здесь, ему не доводилось пробовать на чужой земле.

Путник тяжело опустился на землю. Высокий ковыль, играя серебристыми волнами, сразу же укутал его уставшие ноги. Природа вела свою неторопливую беседу, и стоило только прислушаться к ее тихому говору, как на душе становилось легко и спокойно. Старик протянул руку к поясу и вынул чеканную монету, привычно потер ее грубыми пальцами. Почерневший

металл напомнил ему о далеком прошлом – как и раньше, идут торговые караваны на восток, через Тараз – на север, к Баба-Ата, Кумкенту и Сузаку, неторопливо несут свои тяжелые поклажи лошади и верблюды вниз по течению реки Арысь к сырдарьинским городам. По этой реке проходит северная граница владений Испиджаба; как всякая граница, она хорошо укреплена. Старик невольно потянулся за мечом, но тяжелое оружие уже давно не украшало его скромные одежды. Воспоминания цепью тянулись в его голове, как высокие сторожевые курганы Караултобе, которые возвышаются по левому берегу Арыси. Неспроста эти холмы носят такое название – с этих вершин далеко видна степь, и зоркие дозорные, стоило им заметить врага, разжигали на вершинах яркие костры и извещали население городов об опасности. Запирались тяжелые ворота, и в сторону Испиджаба мчались вестники войны. Да, жители этого славного города всегда могли постоять за себя.

С трудом поднявшись, старик продолжил свой путь, который, наконец, обещал скорый отдых, но не успел он сделать и несколько шагов, как позади себя услышал топот копыт. Путник оглянулся – по дороге прямо на него мчался всадник на высоком коне, держа за узду молодого жеребца, похожего на птицу. Поравнявшись со стариком, всадник, который оказался молодым мужчиной, резко осадил коня, так что из-под копыт взвился столб пыли, и соскочил на землю. Старик отошел в сторону, невольно любуясь горячими скакунами – как опытный воин, он хорошо разбирался в лошадях. Перед ним был жеребец из арабской долины – тонконогий и мускулистый, он нетерпеливо бил копытом, готовый в любую минуту сорваться с места.

Мужчина подошел к старику и, склонив голову, приветствовал его. Старому человеку пришло по душе учтивость незнакомца – степь гостеприимна, но не все приходят сюда с добром. Многочисленные курганы, удерживающие в своей холодной колыбели поверженных воинов, повествуют о нелегкой вековой борьбе народа за родную землю.

Путник улыбнулся:

– Хорошие у тебя кони, добрый человек. Как твое имя?

– Меня зовут Дамиль, – ответил мужчина, его открытый взгляд излучал добродушие и искренний интерес к старцу. Он подошел ближе, широкая улыбка озарила его скуластое лицо. Одежда мужчины и сапоги из дорогой кожи говорили о том, что он принадлежал к знатному роду.

– Какая цель заставила тебя совершить этот путь в одиночестве, отец? В кыпчакских степях бродят люди Самбыра, – Дамиль указал рукой на коней, – садись, продолжим путь вместе.

Старик хитро улыбнулся:

– У твоих скакунов слишком быстрые ноги, к тому же мне некуда спешить – на склоне лет время замедляет свой бег, и глаза вдруг начинают замечать то, мимо чего мчался всю жизнь. Тебе же пора – судя по шумному дыханию твоих лошадей, ты куда-то торопишься.

– Да, уважаемый, добрую весть получил я от брата своего, шейха Ибрагима. Родился у него сын и наследник богатого рода. Вот, – он похлопал гнедого по бархатной морде, – мой подарок будущему воину, пусть умножает богатство своего отца.

– Богатство – это хорошо, но не всегда оно идет в ногу со счастьем, а воины часто черствеют душой от людских страданий.

– Странные слова произносишь ты, аксакал. Брат мой Ибрагим учил меня уважению к простолюдинам, но богатство дает власть и силу. – Дамиль запрокинул голову и от души рассмеялся.

Старик понимающе кивнул головой:

– Ты молод и горяч, а сердце твое открыто людям, оттого и не давит на тебя тяжкое бремя благополучия.

Дамиль ловко вскочил на коня:

– Прощай, отец!

Старик придержал его за сапог:

– Передай благородному шейху Ибрагиму мои поздравления. Пусть вырастет сын его уважаемым человеком, да не оскудеет к нему любовь людская во веки веков! Названный Ахмедом, да будет незабвенным имя его! Аминь!

– Ахмед, говоришь, красивое имя ты выбрал...

Старик поднял руку, останавливая собеседника:

– Это имя дано ему Аллахом.

Дамиль вынул горсть монет и протянул их старцу:

– Если слова твои идут от сердца, возьми в знак моей благодарности.

Старик выбрал одну монету и, отодвинув от себя руку всадника, сказал:

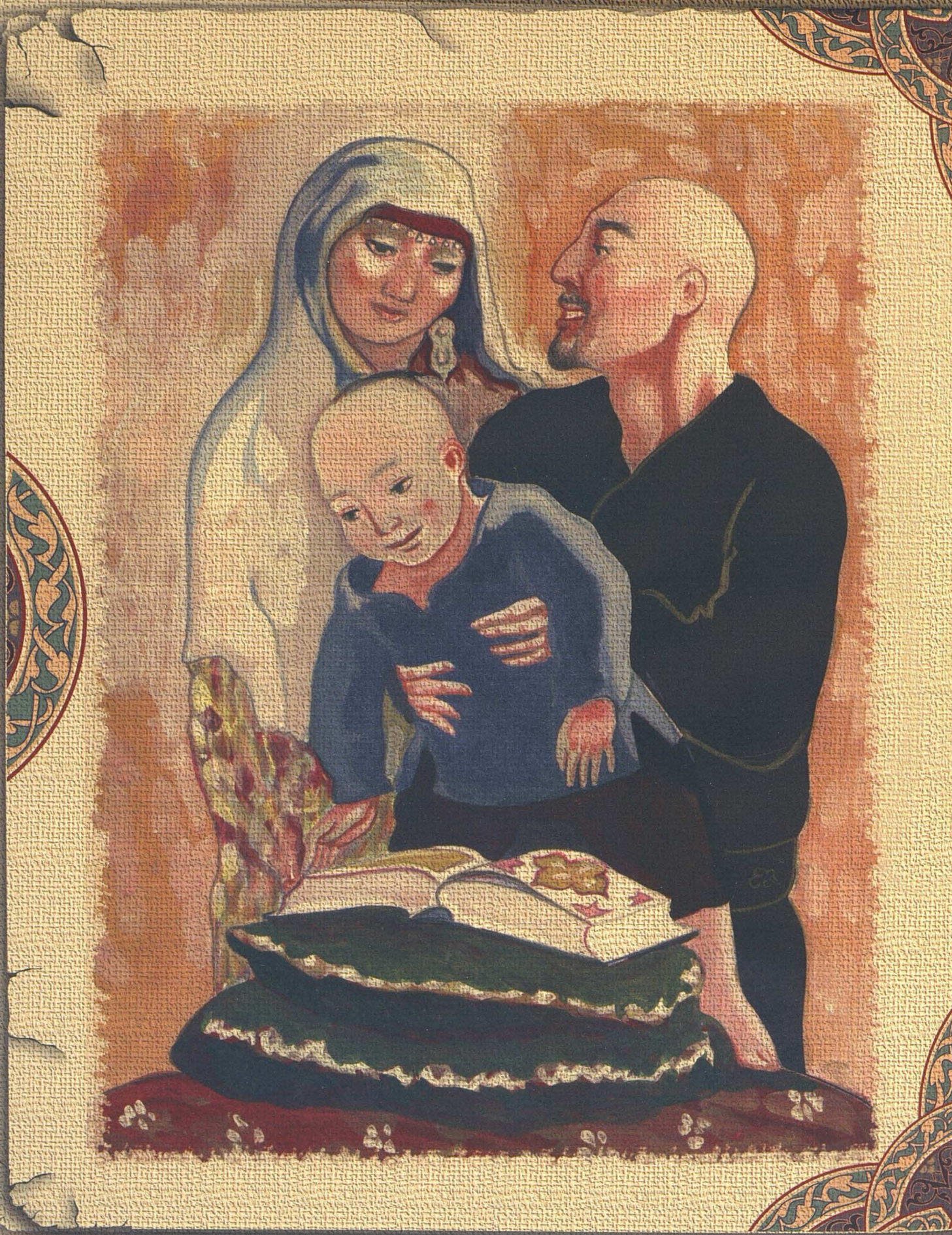
– Спасибо, сынок. Доброго тебе пути.

Кони, встрепенувшись, сорвались с места и вскоре скрылись из виду.

Прошло много лет. История не сохранила имени этого странного старика, который шел по степи, возвращаясь в город своей молодости, но слова его оказались пророческими – именно в тот далекий день земля наших предков подарила миру великого мыслителя и пророка. Ходжа Ахмед Ясави пронес боль и радость своего народа через всю свою жизнь и прославил знатный род щедростью большого сердца.

Древние говорили, что ребенок, рожденный на рассвете, никогда не устанет дарить тепло людям. В тот далекий день в семье шейха Ибрагим-ата родился долгожданный сын, названный Ахмедом. С первыми лучами солнца раздался крик новорожденного, когда мать, красавица Карашаш, обнимала свое дитя. Шейх устроил большой праздник, на котором присутствовали знатные гости и богатые купцы, но радовались также и простолюдины, которые знали уважаемого Ибрагима, они желали ему процветания и добра, потому что был он необычным хозяином. Глубоко религиозный шейх уважал труд простого работника и не гнушался обыденной работы. Он часто помогал неимущим и не раз выходил в поле и трудился наравне со всеми. Именно он посеял в душе своего маленького сына любовь к справедливости.

Ахмед рос очень смышленным и любознательным мальчиком. Сын своего времени, он одинаково хорошо стрелял из лука и овладевал тонкостями арабского алфавита, но уже тогда отец угадывал в нем тягу к познанию.

Когда мальчику исполнилось пять лет, он уговорил отца взять его с собой в соседнее селение, которое находилось в двухдневном переходе от города, где стояло войско храброго Исхака. Сколько птиц в небе, столько ран на теле этого доблестного воина. Слава о его подвигах летела белой птицей по степи, и не было человека, который бы не хотел встретиться со своим героем.

Целый день Ахмед провел в седле своего гнедого коня и, наконец, обессиленный долгим переездом, упал на руки отца, который отнес его в дом оседлого скотовода, где они собирались остановиться на ночлег. Мальчик оказался в тускло освещенной комнате, за стеной которой находилось хозяйственное помещение, оттуда то и дело доносилось мычание коров и ржанье лошадей. Посреди комнаты возвышался старый казан, который служил еще отцу хозяина, отцу его отца, а может, и более далеким предкам.

Лежа на овечьей шкуре, Ахмед рассматривал закопченный казан, который не был украшен изразцами, как в их доме, на глиняные стены, и ему стало совсем тоскливо. Он думал о матери, с которой до сих пор еще не разлучался надолго, но из казана шел запах вареного мяса, а в тесной комнате было все же теплее, чем снаружи. Здесь не таким страшным казалось завывание ночного ветра, и вскоре мальчик задремал под такой домашний треск горящих веток.

Проснулся он оттого, что кто-то толкнул его в бок. Ахмед открыл глаза и увидел сидящего рядом с собой на кошме мальчугана лет семи. В его зеленых глазах отражались языки яркого пламени, он пытливо разглядывал гостя, затем спросил:

– Ты кто?

– Ахмед, – мальчик приподнялся на локтях и тоже сел.

– А я Тальхиз, – он быстро вытащил тяжелый меч, висевший на кожаном ремне, и взмахнул им прямо перед лицом гостя.

– Видишь, на нем кровь, – он довольно провел рукой по гладкой поверхности грозного оружия, – это волчья кровь – здесь много волков.

Тальхиз засопел и отложил свой боевой меч в сторону.

В комнату вошла женщина, она подкинула в огонь ветки и, не оборачиваясь, проговорила:

– Сынок, сходи посмотри лошадей. Ох, – женщина тяжело вздохнула и приложила к глазам ладонь, затем снова вышла во двор.

Тальхиз прошептал, глядя на дверь:

– Плачет, завтра уезжаю.

– Куда?

– Убивать Самбыра.

Ахмед вспомнил, что говорил отец, когда он начинал хвататься, и быстро проговорил:

– Герой умирает раз, а хвастун – тысячу раз!

Тальхиз тяжело задышал и, схватив обидчика за рукав, навалился на него сверху, но в это время Ахмед услышал над собой голос отца:

– Это правильно, что ты отправляешь сына в город на учебу, Мансур. Он научится гончарному делу и станет уважаемым человеком.

Мансур – отец Тальхиза – согласно кивнул головой.

Проснувшись рано утром, Ибрагим-ата не нашел в доме своего сына. Обеспокоенный, он вышел во двор, но Ахмеда не было и там, тогда он прошел в конюшню и сразу увидел спящего мальчика, который полулежал на спине своего коня. Отец разбудил его:

– Ахмед, как ты оказался здесь ночью?

Мальчик протирал глаза:

– Здесь много волков, отец, и мой конь мог испугаться.

Как ни тревожился отец, но слова Ахмеда порадовали его, понял тогда Ибрагим, что большое сердце бьется в груди его маленького сына.

Первый учитель

Прошел год. Ахмед возмужал и уже ловко держался в седле. Он свободно читал и писал, проявляя усердие и послушание. Отец много времени уделял сыну, рассказывая ему легенды и предания о сакских батырах, о походах Кира и Дария, о волнующих воображение подвигах жителей Баласагуна. Ахмед с интересом слушал о том, как предводители кочевых племен боролись за свои пастбища, отражая многочисленные набеги иноземных завоевателей. Он на лету запоминал песни и меткие выражения, которые раскрывали перед ним быт и нравы тюркских племен, но больше всего нравились ему рассказы о легендарном мудреце и сказителе Коркуте, о подвигах огузских богатырей и о борьбе племен за утверждение единой власти.

В доме Ибрагим-ата бывали разные люди, приходили сюда за помощью и добрым словом. Отец возносил благодарность Создателю – мальчик внимал словам молитвы, которые звучали, как песня, внимал неторопливым рассказам стариков и представлял пророка Мухаммеда в облике героя и спасителя. Однажды, когда в доме собрались местные проповедники, чтобы обсудить нынешний урожай, смотритель мечети Тохтамыш – зажиточный и скупой хозяин – вознес молитву Всевышнему с просьбой о щедрости земли и благодатной погоде, как вдруг раздался возмущенный голос Ахмеда, который, незаметно пробравшись в комнату, расположился здесь же, у ног отца:

– Аллах не услышит эту молитву!

Несколько пар недовольных глаз впились в мальчика, посмеявшегося прервать священное действие, а отец сурово сдвинул брови, но Ахмед уверенно продолжил:

– Смотритель избил палкой Асана только за то, что он повредил руку в поле, а вчера не дал молока его жене, – мальчик смело посмотрел отцу в глаза. – Аллах не услышит его молитвы!

В комнате установилась напряженная тишина.

– Плох тот отец, который не может приструнить своего сосунка! – Тохтамыш заерзал на своем месте, словно ему стало

неуютно, и, недовольно прорычав проклятия, в упор посмотрел на Ибрагима.

Шейх взглянул на сына и негромко сказал:

– Покинь комнату!

Мальчик вышел за дверь. В это время заговорил всеми уважаемый аксакал Абдулгазиз:

– Пытливый ум у твоего сына, Ибрагим, – на устах старика играла лукавая улыбка, – не переродился славный род твоего деда, достойный наследник, отрада отцу.

Тохтамыш, сверкнув глазами, собрался что-то ответить, но шейх не позволил ему говорить:

– У пегого скота пятна снаружи, у дурного человека – изнутри.

Как-то утром Ахмед, услышав на улице какой-то шум, выбежал за ворота и огляделся. По дороге двигалась запряженная лошадьми старая телега, на ней сидели двое мужчин. Их одежда была бедная и местами разорвана, лохмотья грязными клочьями свисали, словно куски овечьей шерсти. Два нукера, сопровождающие телегу верхом на лошадях, остановились и, спешившись, направились в соседний двор, окруженный высоким каменным забором. Телега съехала с дороги и остановилась.

– Эй, Ахмед! – услышал мальчик звонкий голос.

Он повернул голову – Туркан, сын местного торговца, стоял в окружении своих друзей. Одного из них Ахмед сразу же узнал – это был Саид. С его младшим братом Еруханом Ахмед часто бывал на скачках.

– А мы стрелы собирали, – Туркан кивнул остальным, и они подошли ближе.

На телеге в той же позе сидели мужчины. Один из них был совсем уже седой, его худощавое тело ссутулилось под гнетом лет. Второй, напротив, был еще без усов, и его непослушные волосы по-мальчишески торчали на затылке.

– Это рабы. Их везут из самого Самарканда, – Саид подошел к телеге и ткнул острым концом стрелы молодого мужчину в руку. Тот отпрянул назад, но связанные ноги не позволили ему сдвинуться с места.

Ахмед почувствовал боль, словно это его кольнули острием. Он шагнул вперед, но Таркан преградил ему дорогу:

– Это рабы, – он смотрел на соперника сверху вниз, – мой отец говорит, что они хуже собак.

– Пусти! – Ахмед оттолкнул его в сторону и, схватив Саида за рубаху, с силой рванул на себя.

Но тот был сильнее и выше ростом и удержался на ногах. Саид высвободился из его рук и стал собирать рассыпанные по земле стрелы. В это время из ворот внутреннего двора вышла женщина, в руках у нее был глиняный кувшин с водой. Подойдя к телеге, женщина молча поставила посуду на покрытый соломой деревянный настил телеги и поспешно ушла. Молодой мужчина оживился. Он взял кувшин и протянул его старику, но тот махнул рукой, разрешая ему отпить первому. Юноша улыбнулся и поднес сосуд к потрескавшимся губам, но в это время в воду упал небольшой камень, обрызгав его лицо. Саид рассмеялся и наклонился за другим камнем. Его друзья тоже стали тренироваться в меткости, подходя все ближе к телеге. Ахмед не выдержал и, разбежавшись, сбил с ног Саида. Остальные тоже вступили в схватку. Силы Ахмеда были уже на исходе, когда он почувствовал, что руки Саида ослабили свою хватку и какая-то сила отбросила его в сторону. Ахмед опрокинул Туркана на спину и вскочил на ноги. Перед ним мелькнула чья-то тень. Мальчик поднял голову и увидел рядом с собой испачканное грязью лицо, с которого весело смотрели знакомые зеленые глаза.

– Герой умирает один раз, а хвостун – тысячу раз, – услышал он произнесенную когда-то им самим фразу.

– Тальхиз!

Друзья обнялись, крепыш важно похлопал Ахмеда по плечу.

– Узнал меня, лошадиный сторож?

С того дня, как Ахмед с отцом выехали со двора скотника, где они останавливались на ночлег, Тальхиз сильно изменился. Он подрос, окреп, черты его лица стали более резкими, и вообще он заметно возмужал.

Позже, когда друзья сидели за дастарханом в доме Ибрагима, Тальхиз рассказывал о своих скитаниях. Он поведал о том, как именно в тот злополучный день, когда отец собирался отправить его в город на учебу, на их селение напали люди Асада, поверенного самого Самбыра. Они избили отца и увели весь скот, сжигая все на своем пути. Тальхиз вспоминал, как отец, так и не оправившись от ран, скончался через несколько дней, и мать, собрав какие-то вещи, подалась с сыном в город, где они остановились у родственника в ремесленном квартале.

Выслушав эту печальную историю, Ибрагим-ата положил руку на плечо мальчика и сказал:

– Как огонь закаляет железо, так и беда закаляет человеческое сердце, раны на нём заживают быстрее, если рядом находится плечо друга.

С тех пор Ахмед и Тальхиз были неразлучны.

Наступила весна. Деревья расправили свои ажурные ветви и надели глянцевые наряды, наполняя воздух тонким ароматом распустившихся цветов. Город оживился, на узких улочках то и дело раздавались звонкие голоса мелких торговцев, которые зазывали жителей, предлагая им дешевые и нехитрые товары. Ахмед и Тальхиз торопились на базарную площадь, чтобы посмотреть на знаменитых «потокровных» коней из Ферганы, арабских и нисийских скакунов, которых пригнали накануне с торговым караваном. В город часто привозили диковинных животных из далеких стран: были здесь и слоны с тяжелыми и крепкими бивнями, и неповоротливые носороги, которые отпугивали останавливающихся зевак, угрожающе наклоняя голову. Львы и гепарды метались в клетках, обеспокоенные долгим переездом. Надсмотрщики кормили их мясом, нанизывая его на острые колья, чем вызывали восторг у многочисленной публики. Но породистые лошади были вне конкуренции – на протяжении многих веков тюркские племена не могли обходиться без этих благородных и выносливых животных.

На главной площади было многолюдно. Мужчины в длинных цветных халатах составляли большинство. Неторопливо прохаживаясь между рядами, они присматривались к товарам,

вели деловые переговоры с купцами, узнавали от них последние новости. Мальчики обогнули фруктовые лотки, с наслаждением вдыхая нежный аромат первых дынь, привезенных из Ферганы и Самарканда, и смешанный терпкий пьянящий запах разнообразных пряностей. Торговцы шелком невозмутимо восседали возле своего многоцветного товара, который всегда пользовался повышенным спросом. В те далекие времена шелк ценился очень высоко – им одаривали знатных гостей, выказывая этим свое уважение, платили за важную услугу, обменивали на продукты и вещи первой необходимости.

Пробираясь сквозь толпу, Ахмед услышал незнакомые звуки и глухие удары. Вытянув шею, мальчик посмотрел в ту сторону, откуда доносилась странная музыка. Впереди на возвышении происходило какое-то действие, вокруг стояли люди, то и дело слышался смех и восторженные выкрики. Друзья подошли ближе, чтобы посмотреть представление. На высокой сцене двое мужчин, наряженные в длинные пёстрые одежды, которые свисали лоскутами, выполняли резкие движения руками, выкрикивая странные слова и гримасничая своими раскрашенными лицами. Изображая поочередно то испуг, то радость, они смешивали публику своими неуклюжими движениями и смешными гримасами. В стороне стоял еще один участник этого зрелища – маленький танцор. В тонких руках он держал большую обтянутую кожей тарелку и бил по ней палкой. На нем была маска, скрывающая лицо. Вот он громко крикнул и, подняв вверх руки, начал передвигаться по сцене, прыгая на своих коротких, непропорциональных телу ногах. Публика неистовствовала, и на пол сыпались мелкие монеты. Это было смешное и одновременно жалкое зрелище. Ахмед сжимал в руке медную монету, на которую хотел купить новый лук, такой, как у Тальхиза – упругий и гибкий, но, видя, как мало монет упало на сцену, и то усердие, с которым эти странные люди их собирали, передумал. Он шагнул вперед и, задержав маленького танцора за край платья, протянул ему деньги. Тот быстро схватил монету, подкинул ее вверх и, перевернувшись через